

© 2017 г.

Ж. ПУЧСЕК ФАРРАС (Испания)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ «КРЕМЛЬ В БАРСЕЛОНЕ»: РОЛЬ СОВЕТСКОГО КОНСУЛЬСТВА ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

Уже более полувека советские, российские и зарубежные исследователи (начиная с книги К. Л. Майданика¹ до недавней работы Л. А. Кирсченбаум²) изучают роль СССР в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг., в том числе используя документы и материалы советских архивов. Однако всплеск историографического интереса к этой теме приходится на конец 1980-х и в особенности на начало 1990-х годов, уже после распада Советского Союза. Проблема широко изучалась в трех основных тематических направлениях: 1) межгосударственные отношения СССР и Испанской республики – как дипломатические, так военные и экономические³; 2) роль советских секретных служб в гражданской войне в Испании⁴; 3) отношение Коммунистического Интернационала к испанской войне⁵. Исследования этих вопросов позволили преодолеть излишне субъективные оценки, которые встречаются в публикациях советских журналистов, побывавших в Испании во время войны, например в статьях М. Е. Кольцова, а также присущие лидерам Коммунистической партии Испании (КПИ), эмигрировавшим в СССР, таким как Д. Ибаррури, и официальной советской историографии⁶. Вместе с тем данные исследования способствовали разоблачению некоторых

Пучсек Фаррас Жозеп – профессор Барселонского автономного университета. (Испания).

Статья подготовлена в рамках исследований по проекту Министерства науки и инноваций Испании «Альтернативы краху либеральных режимов в Европе: социализм, демократия, фашизм и популизм (1914–1991)» («Las alternativas a la quiebra liberal en Europa: socialismo, democracia, fascismo y populismo (1914–1991)», código HAR2011–25749). Перевод испанского – И. Ю. Медников.

¹ *Майданик К. Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне, 1936–1937. М., 1960.

² *Kirschenbaum L. A.* International Communism and the Spanish Civil War. Solidarity and Suspicion. Cambridge, 2015.

³ См., например: *Рыбалкин Ю. Е.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000; *Kowalsky D.* La Unión Soviética y la Guerra Civil Española. Una revisión crítica. Barcelona, 2003; *Viñas A.* La soledad de la República. El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona, 2006; *Малай В. В.* СССР в Испании (1936): малоизвестные страницы (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации). – Испанский альманах, вып. 2. История и современность. М., 2010; *Шубин А. В.* Великая испанская революция. М., 2012.

⁴ Одна из недавних работ по этой теме: *Volodarsky B.* El caso Orlov. Los servicios secretos soviéticos en la Guerra Civil Española. Barcelona, 2013.

⁵ Данная тематика широко представлена в кн.: *Elorza A., Bizcarrondo M.* Queridos camaradas. La Internacional Comunista y España, 1919–1939. Barcelona, 1999.

⁶ См. *Медников Í.* Los límites de una renovación: la historiografía actual rusa sobre la Guerra Civil española. – *Studia Historica: Historia Contemporánea*, v. 32. Salamanca, 2014.

историографических мифов о роли СССР в гражданской войне 1936–1939 гг., созданных во франкистской Испании.

Наиболее известный из них – миф об «испанском золоте»⁷, согласно которому золотые резервы Банка Испании были полностью переданы в СССР в качестве оплаты за военную помощь Испанской республике. Миф этот был распространен во франкистской Испании и часто использовался в 1940-х годах в качестве оправдания провала экономической политики франкизма и аргумента в пользу отсутствия дипломатических отношений между Испанией и СССР⁸. В наши дни он все еще имеет место в испанской неофранкистской историографии⁹, хотя был оспорен теми историками, которым довелось анализировать источники из советских архивов.

Во-первых, было доказано, что СССР не являлся единственным государством, получившим часть золотых резервов Банка Испании, так как в самом начале гражданской войны эти резервы частично были переданы Франции¹⁰. Во-вторых, оплата советской военной помощи, известной как Операция «Х», производилась согласно законному соглашению между республикой и СССР, заключенному республиканским правительством Испании из-за отказа в помощи со стороны Великобритании, Франции и США¹¹. И, в-третьих, советская военная помощь Испанской республике в количественном отношении была гораздо меньше, чем та, которую оказывали Ф. Франко Германия и Италия. К тому же СССР не посылал в Испанию войска: туда направлялись лишь военные советники и боевая техника¹².

Другой миф – «Кремль в Барселоне» – не так известен, как первый, но имеет не менее важное значение. Прежде всего потому, что он дополнял миф об «испанском золоте», подчеркивая политическую составляющую советского участия в гражданской войне в Испании, экономическая подоплека которого раскрывалась в мифе о золоте. Он возник раньше первого и распространялся с ноября 1936 г. в Испании мятежников, а также в Италии, Франции и Бельгии, став одним из первых франкистских мифов о гражданской войне. Использувавшийся для того, чтобы мобилизовать испанское и международное общественное мнение против СССР, показать «истинное» значение советского вмешательства, этот миф превратился в одно из главных орудий пропагандистской войны, которую вели мятежники.

Впервые миф «Кремль в Барселоне» появляется в небольшой брошюре, озаглавленной «Проблема Испании. Представление для ее епископов и ответы на некоторые вопросы относительно нынешней войны»¹³ и опубликованной в Памплоне в начале войны, в 1936 г. Автор брошюры – Исидро Гомá, толедский архиепископ, кардинал и примас испанской церкви (высший сан в церковной иерархии Испании) – являлся одним из наиболее влиятельных деятелей мятежников как в самой Испании, так и за рубежом. Страстный защитник дела франкистов с самого начала гражданской войны, Гома уже в своем первом секретном послании в Ватикан от 13 августа 1936 г. легитимировал мятеж против республики как «крусаду» – «крестовый поход», национальное и религиозное восстание против безбожных атеистов, марксистов и коммунистов¹⁴.

Однако Гома не ограничивался оправданием и легитимацией испанского мятежа, он занимался и дискредитацией противника, создав миф «Кремль в Барселоне».

⁷ В Испании чаще употребляется «El Oro de Moscú» («золото Москвы»). – *Прим. пер.*

⁸ La Vanguardia Española, 2.I.1940, p. 2.

⁹ Moa P. Los mitos de la Guerra Civil. Madrid, 2003.

¹⁰ Viñas A. Op. cit., p. 29–39.

¹¹ Moradiellos E. Un Triángulo vital para la República: Gran Bretaña, Francia y la Unión Soviética ante la Guerra Civil española. – Hispania Nova, v. 1, 1998–2000.

¹² Рыбалкин Ю. Е. Операция “Х”: советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). – Испанский альманах, вып. 2. М., 2010, с. 156–158.

¹³ Gomá I. El caso de España. Introducción a sus diocesanos y respuestas a unas consultas sobre la guerra actual. Pamplona, 1936.

¹⁴ Moradiellos E. 1936. Los mitos de la Guerra Civil. Barcelona, 2004, p. 21–22.

Примас испанской церкви уверял, что И. В. Сталин превратился в настоящего хозяина Испанской республики. Подобные утверждения были связаны с началом межгосударственных отношений, установленных между Испанской республикой и Советским Союзом. Политбюро ЦК ВКП(б) договорилось с республиканским правительством о поставках вооружений и направлении военных прежде всего в Барселону (второй по значимости город Испанской республики), а следовательно, в Каталонию — один из наиболее важных регионов страны. Советские сухопутные войска и авиация, по мнению Гома, захватили Барселону. Он уверял, что город контролируют тысячи советских солдат, там сосредоточено много боевой техники, а в скором времени появится советский военно-морской флот. На этом военном присутствии СССР основывался тезис о том, что советские дипломаты в Барселоне, а именно — консульство СССР в каталонской столице политически руководит и Барселоной, и всей Каталонией.

Так Барселона превратилась во второй Кремль в Европе. Его главной задачей называлось установление в Средиземноморском регионе советской республики, которая позволит «большевизировать» всю Западную Европу. В этом кардинал Гома ничуть не сомневался. «В то время как я пишу эти строки, тысячи солдат, прибывших из российских степей, высаживаются в Барселоне, — уверял он, — выгружается множество боевой техники, создается барселонский Кремль — филиал русского Коминтерна, столица Советской республики Средиземноморья и центр большевизации западноевропейских стран. Проект, который согласно особенному божественному провидению не смог осуществиться в Мадриде, столице Испании, воплощается теперь в прекрасной и несчастной столице Каталонии... По замыслу Москвы коммунистический флаг установлен в Испании напротив ее христианнейшего знамени. Здесь столкнулись две цивилизации, две диаметрально противоположные формы социальной жизни. Христос и Антихрист сражаются на нашей земле»¹⁵.

Для того чтобы проверить утверждения кардинала, доказать ошибочность (или истинность) созданного им мифа «Кремль в Барселоне», необходимо изучить роль советского генерального консульства в Барселоне во время гражданской войны в Испании: проанализировать приказы, которые оно получало и, что еще более важно, его практическую деятельность.

ПЕРВЫЙ АРГУМЕНТ ПРОТИВ МИФА: ПРИКАЗЫ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Когда началась испанская гражданская война, Политбюро ЦК ВКП(б) убедилось, что не может получать достоверную информацию о том, что происходит в Испании. Начало войны поставило республику в очень сложные условия. Слабость республиканского правительства была вызвана крушением и неэффективностью многих государственных структур центральной власти в республиканской зоне. Тяжелым было и военное положение. Коминтерн не располагал сильным влиянием на Испанию до начала военных действий — КПИ оставалась малочисленной партией, малозаметной в политической и общественной жизни страны¹⁶.

На ситуацию, сложившуюся в Испании, Политбюро отреагировало оперативно, особенно после того, как удостоверилось в пассивности и неэффективности международной дипломатии, не способной остановить военную поддержку мятежников со стороны нацистской Германии и фашистской Италии, а также в том, что из-за отказа в помощи Испании европейских держав и США республиканское правительство готово к сближению с СССР.

8 августа 1936 г. в Испанскую республику прибыли первые советские представители: журналисты И. Г. Эренбург и М. Е. Кольцов, кинодокументалисты Р. Л. Кармен

¹⁵ *Gomá I.* Op. cit., p. 16.

¹⁶ *La Guerra Civil. Una nueva visión del conflicto que dividió España.* Dirs. S. Payne, J. Tussell. Madrid, 1996, p. 340–353.

и Б. К. Макасеев. Их тайная политическая миссия заключалась в поддержке создания интернациональных бригад в Испании. Вскоре между СССР и Испанской республикой были установлены дипломатические отношения. 21 августа 1936 г. Политбюро назначило советским послом в Испании М. И. Розенберга, 27 августа он приехал в Мадрид. А спустя несколько дней в республиканскую зону прибыли и другие советские представители – советник полпредства Л. Я. Гайкис и военно-морской атташе Н. Г. Кузнецов¹⁷. На них были возложены различные политические, военные и экономические задачи.

Однако в этой общей схеме Политбюро было и слабое место – Каталония и особенно Барселона. Эта часть Испанской республики отличалась от остальной республиканской зоны. Во-первых, Каталония обладала предоставленной ей испанским парламентом политической автономией, выразившейся в статуте об автономии, наличии собственного парламента и гражданства – Женералитата. Как и в других частях республиканской зоны, начало гражданской войны сопровождалось здесь крушением государственных структур центральной республиканской власти с той особенностью, что Женералитат сохранился как единственный активный орган власти, возложивший на себя большую часть полномочий республиканского правительства. Во-вторых, большим влиянием в Каталонии обладало анархо-синдикалистское движение Национальной конфедерации труда (НКТ). Анархо-синдикалисты приступили к осуществлению своих революционных идеалов во многих каталонских городах и поселениях, что противоречило либерально-демократической модели, которую отстаивал Женералитат. Таким образом, Каталония была подобна острову в Испанской республике, и у Мадрида почти не было возможностей воздействовать на нее¹⁸.

Поэтому Политбюро решило отправить сюда советского представителя, который передавал бы точные сведения о положении в этой части республики. Выбор пал на Эренбурга. Информация, полученная от него, убедила Политбюро в том, что ввиду запутанной политической обстановки в Каталонии и невозможности влиять на ситуацию здесь при помощи советского посольства в Мадриде необходимо учредить в Барселоне дипломатическое представительство¹⁹. 19 сентября 1936 г. заместитель наркома по иностранным делам Н. Н. Крестинский сообщил советскому послу в Мадриде о решении, одобренном главой НКИД М. М. Литвиновым, учредить дипломатическое представительство СССР в Барселоне²⁰. Крестинский выполнял поручение специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по иностранным делам (в составе И. В. Сталина, Л. М. Кагановича и Г. К. Орджоникидзе), которая уже 21 сентября 1936 г. официально утвердила состав барселонского консульства²¹. Помимо консула и его супруги это были пять человек: секретарь консульства А. Страхов, переводчик А. Коробицын, шифровальщик И. Д. Милин, секретарь-машинист Л. Ю. Воробьев и бухгалтер И. М. Левин. Генеральным консулом был назначен В. А. Антонов-Овсеенко. Его супруга Софья (С. И. Левина) неофициально должна была заниматься распространением советской пропаганды в Каталонии²².

Итак, какова же была миссия, возложенная Политбюро и руководством НКИД на советское консульство в Барселоне? Ответ на этот вопрос мы находим в послании

---

¹⁷ Kowalsky D. Op. cit., p. 5–38; Viñas Á. Op. cit., p. 139–161; Schauff F. La victoria frustrada. La Unión Soviética, la Internacional Comunista y la Guerra Civil Española. Barcelona, 2008, p. 269–277.

¹⁸ Preston P. La Guerra Civil española. Barcelona, 2006, p. 243–245.

¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 53, л. 78–79.

²⁰ Там же.

²¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАС-ПИ), ф. 17, оп. 3, д. 981, л. 213.

²² Об этой деятельности жены генконсула см. Государственный архив Российской Федерации, ф. 5283, оп. 7, д. 840, л. 179–180. Сведения об остальных сотрудниках генконсульства см. АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 53, л. 80, 84–85.

Крестинского Антонову-Овсеенко от 28 сентября 1936 г.²³ Заместитель наркома по иностранным делам сообщал консулу, что его представительство должно заниматься непосредственным образом только политическими вопросами, связанными с каталонским тылом. В первую очередь консулу следовало установить тесные контакты с каталонским правительством, представителями различных политических и профсоюзных организаций, в особенности с лидерами анархистов. Это позволило бы Политбюро получать подробную и актуальную информацию о намерениях и решениях Женералитата, а также о состоянии и мнениях политических сил и профсоюзов.

Для того чтобы восстановить властные полномочия Женералитата над всей каталонской территорией, а также поставить в качестве приоритетной задачи защиту либерально-демократической модели, консульству поручалось воздействовать на анархистов и переориентировать их политическое и общественное влияние в Каталонии. Кроме того, нужно было улучшить напряженные до того времени отношения между Женералитатом и правительством республики. Крестинский был уверен, что без нормальных отношений между Мадридом и Барселоной невозможно сплоченное и эффективное функционирование республики в политической и военной сферах, что обрекает ее на поражение в войне.

К чему же в конечном счете стремились Крестинский и Политбюро? Модель пролетарской революции анархистов противостояла либерально-демократической модели, которую и отстаивало Политбюро для Испанской республики. Советская внешняя политика, политика коллективной безопасности, делала в то время ставку на возможный союз СССР с либеральными европейскими державами – Великобританией и Францией, чтобы предотвратить продвижение фашизма по Европе, который в скором времени мог напасть и на советскую территорию. Но подобный союз был возможен лишь в том случае, если бы Лондон и Париж поверили, что советская внешняя политика в Европе (в частности, в «горячей точке» того времени – Испании) отошла от идеи пролетарской революции и теперь защищает либерально-демократическую модель, представленную в Испании правительством республики и Женералитатом в Каталонии²⁴.

Антонов-Овсеенко полностью принял на себя исполнение этих заданий. Об этом он и сказал Эренбургу, с которым встретился в советском посольстве в Париже накануне отъезда в Барселону: «В Москве считают согласие между Мадридом и Барселоной жизненно важным для Испании. Я должен буду образумить анархистов, заставить их активнее участвовать в военных действиях, учитывая их огромное влияние»²⁵.

Однако политическая миссия была не единственной задачей консульства; частью его деятельности являлась и военная сфера²⁶. Консульству отводилась роль прикрытия и источника информации. Во-первых, оно должно было стать местом взаимодействия сети советских военных, отправленных в Испанию согласно военным договоренностям между Мадридом и Москвой, и обеспечивать их прикрытия. Во-вторых, в задачу консульства входило информирование Политбюро обо всех военных передвижениях как войск Женералитата, так и различных политических и профсоюзных организаций, особенно на арагонском фронте. На этом его военная миссия заканчивалась.

Сотрудникам консульства было строго запрещено участвовать в организации военных операций в Каталонии, не говоря уже обо всей остальной республиканской

²³ АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 53, л. 116.

²⁴ О советской политике коллективной безопасности в отношении Испании и Лондонского комитета по невмешательству см. *Малай В. В.* Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011. Основные характеристики советской внешней политики 1930-х годов см. *Donaldson R., Noguee J. L.* The Foreign Policy of Russia. Changing Systems, Enduring Interests. New York – London, 2005, p. 37–74.

²⁵ Цит. по: *Alcofar J. L.* Los asesores soviéticos en la Guerra Civil Española. Barcelona, 1971, p. 30.

²⁶ АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 53, л. 116.

территории, так как это входило в исключительную компетенцию советского посольства в Мадриде. Таким образом, консульству поручалось лишь камуфлировать советское военное присутствие в Испании ввиду давления Лондонского комитета по невмешательству и при этом максимально расширять его, чтобы обеспечить победу, поскольку военные операции в Каталонии зачастую контролировались анархистами, использовавшими военную тактику и организацию, отличные от любой профессиональной армии и не слишком успешные на фронтах войны.

Консульство выполняло все упомянутые поручения Кремля, однако был случай, когда генконсул вышел за рамки предписаний. Речь идет о неудачной попытке Антонова-Овсеенко принять непосредственное участие в организации военных операций в Каталонии. Этот малоизвестный эпизод произошел тогда, когда он еще находился в советском посольстве в Париже, накануне отъезда в Испанию. Консул установил контакт с сотрудником советского посольства во Франции, которого просил послать в Барселону группу военных специалистов. Крестинский оценил данный поступок как очевидное желание Антонова-Овсеенко взять на себя руководство в военной организации Каталонии и, как и следовало ожидать, безоговорочно осудил эту идею. Антонову-Овсеенко не оставалось ничего другого, как только признать свою ошибку — неподчинение распоряжениям Политбюро и превышение полномочий²⁷.

Политическая и военная деятельность консульства дополнялась экономической²⁸ — укреплением и развитием торговых отношений между Каталонией и СССР. Однако от консульства требовали, чтобы эта работа вписывалась в рамки торговых отношений Испанской республики с Советским Союзом, а следовательно, не должна была развиваться в одностороннем порядке. Кроме того, консула предупредили, что торговые отношения не входят непосредственно в его компетенцию, а его роль — исключительно посредническая. Эти вопросы составляли сферу деятельности советских торговых атташе в республике, которые в случае необходимости должны были приезжать в Барселону, чтобы вести переговоры по соответствующим соглашениям. Политбюро было осведомлено Эренбургом о промышленном потенциале Каталонии, а также о ее выгодном географическом положении — наличии первоклассного торгового порта Барселоны и сухопутной границы с Францией, что предоставляло прекрасные возможности для развития торговли. Каталония являлась отличной площадкой для развития выгодной торговли Испанской республики с СССР, и генеральный консул полностью выполнял возложенные на него в этом направлении функции.

Но исполнялись ли данные распоряжения и не скрывались ли за их формулировками иные намерения? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть деятельность консульства с 1 октября 1936 г., даты его основания²⁹, до сентября 1937 г., когда Антонов-Овсеенко был отозван из Барселоны³⁰. Впоследствии консульство вошло в состав советского посольства, переехавшего из Валенсии в Каталонию в связи с переносом республиканской столицы в Барселону 31 октября 1937 г.³¹

ВТОРОЙ АРГУМЕНТ ПРОТИВ МИФА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Прежде всего нужно установить, не выходила ли политическая деятельность генерального консульства в Барселоне за границы, обозначенные в распоряжениях НКВД.

С первого и до последнего дня своего существования консульство информировало НКВД и Политбюро о различных действиях политических партий и профсоюзных организаций Каталонии, а также Женералитата. Это позволяло Москве иметь точ-

²⁷ Там же, л. 118.

²⁸ Там же, л. 116.

²⁹ Там же, ф. 05, оп. 16, п. 119, д. 62, л. 1.

³⁰ Treball, № 363, 17.IX.1937, p. 6.

³¹ *Martín Ramos J. L.* Territori capital. La guerra civil a Catalunya, 1937–1939. Barcelona, 2015, p. 279–293.

ную и обновляемую картину развития политической ситуации в Каталонии. Консул устанавливал и укреплял контакты на высоком уровне, часто встречался с Луисом Компанисом, председателем Женералитата, и главойлевой республиканской партии Каталонии, разделявшей националистические (в ней, в том числе, были сторонники независимости Каталонии) и либеральные идеи. Левым республиканцам принадлежало большинство мест в каталонском парламенте, а в Женералитате они были представлены такими видными фигурами, как первый советник Ж. Таррадельяс и комиссар пропаганды Х. Миравильес. Антонов-Овсеенко поддерживал с ними регулярные контакты. Постоянными были его встречи и с генеральным секретарем Объединенной социалистической партии Каталонии (ОСПК) Ж. Коморерой, а также секретарем партии М. Вальдесом. Члены ОСПК, созданной в Барселоне 24 июля 1936 г. в результате слияния двух коммунистических и двух социалистических группировок, считали себя объединенными марксистами, а не коммунистами. Кроме того, генконсул поддерживал связи с анархистами – видными деятелями НКТ, такими как Ж. Гарсия Оливер, Д. Абад де Сантильян, Ж. Поркерас. Некоторые из них тоже входили в состав Женералитата³².

Руководство НКИД требовало, чтобы консульство было особенно внимательно к двум проблемам: роли анархистов и отношениям между Женералитатом и центральным правительством республики.

Что касается второй проблемы, то Антонов-Овсеенко всегда брал сторону Женералитата, принимая его жалобы на центральное правительство, как свои собственные. Главными вопросами, о которых докладывал консул, были следующие: финансовые проблемы Женералитата, а следовательно, его неспособность влиять на развитие военной экономики и обеспечивать основные нужды населения Каталонии; пренебрежительное отношение Мадрида к легитимности и властным полномочиям каталонского правительства, а также его «недостаточная чувствительность» к каталонской автономии. Позиция Антонова-Овсеенко была четкой: напряженные отношения между Женералитатом и республиканским правительством можно улучшить, только отказавшись от господствующей позиции Мадрида по отношению к Барселоне³³. Он изменил свою точку зрения лишь в последние недели работы в качестве генконсула. Секретарь консульства Страхов, после отъезда Антонова-Овсеенко неофициально возглавлявший консульство, обвинял Женералитат в том, что он несет ответственность за проблемы в отношениях с правительством республики, что они являются результатом его националистической мелкобуржуазной позиции. Такая позиция, по словам Страхова, вела к государственному перевороту против политического равновесия, которое пытались создать в Каталонии КПИ и ее местные союзники³⁴.

Поддержка Женералитата не мешала консульству критиковать некоторые аспекты его политики, препятствовавшие усилению главенства Женералитата в тылу. В частности, оно выступало за более решительные действия против анархистов и их идеи о пролетарской революции³⁵. Вместе с тем консульство не стремилось, да и не могло контролировать Женералитат. Их отношения определялись взаимным желанием посредничества. Женералитат использовал это посредничество в трех направлениях: в политической сфере – чтобы смягчить напряжение в отношениях с правительством республики и восстановить власть республиканских институтов в тылу; в военной сфере – чтобы получать советское вооружение и поддержку для рационализации

---

³² Уже в первом донесении, посвященном политическим вопросам, Антонов-Овсеенко сообщал о встрече с Л. Компанисом 4 октября 1936 г. (АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 119, д. 62, л. 4–5, 8). Последнее донесение из советского консульства от 23 сентября 1937 г. также было посвящено политической ситуации (Там же, ф. 097, оп. 12, п. 102, д. 17, л. 79–82).

³³ АВП РФ, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 54, л. 4–5, 30–31; ф. 05, оп. 17, п. 131, д. 50, л. 38.

³⁴ Там же, ф. 05, оп. 17, п. 131, д. 50, л. 102–103; ф. 097, оп. 12, п. 102, д. 17, л. 79–82.

³⁵ См., например: Там же, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 54, л. 48–51.

и планирования ресурсов и организации фронта; в экономической сфере — чтобы заключать торговые соглашения между Москвой и Барселоной.

Политические проекты советского консульства совпадали с линией Л. Компаниса, а также ОСПК, которая все больше усиливала свое влияние в Женералитате³⁶. С помощью Компаниса и ОСПК консульство с самого начала добилось возможности доступа (но не контроля) к Женералитату. По мере того как консульство укрепляло свои позиции в тылу, а также развивало отношения с Компанисом и ОСПК, оно получало и определенное влияние на Женералитат в плане предложений по улучшению ресурсов и военного планирования. Однако ОСПК никогда не являлась послушным придатком советского консульства. Хотя мнение консульства во многих случаях совпадало с ее собственными позициями, между ними неоднократно происходили столкновения по организационным вопросам. Кроме того, консульство ставило в вину ОСПК ее неспособность убедить остальные политические силы и профсоюзы в своих предложениях относительно фронта и войны, а также подвергало критике деятельность некоторых ее лидеров, например Ж. Коморера³⁷.

Выбор Антонова-Овсеенко в качестве консула в Барселоне укрепил позиции диппредставительства среди анархистов. Большинство членов НКТ Антонов-Овсеенко был принят с почтением. Не потому что он был советским консулом, а потому что являлся символом международного рабочего движения: именно он возглавлял штурм Зимнего дворца ночью с 25 на 26 октября 1917 г. Благодаря положительному среди анархистов образу консула, но прежде всего, конечно, благодаря советской военной помощи республике и советской критике деятельности Лондонского комитета по невмешательству³⁸ консульству удалось установить неплохие отношения с некоторыми наиболее видными анархистскими лидерами.

Консульство реалистично оценивало силы анархистов на фронте и в тылу, относясь к анархистам с прагматизмом и терпением, что не исключало критики или использования информаторов в их рядах. Не обесценивая значения пролетарской революции, консул выступал за приоритет победы в войне, для чего было необходимо, чтобы анархисты вошли во властные структуры Каталонии, поддержали либерально-демократическую модель, отстаиваемую Женералитатом, и отложили на будущее идеи пролетарской революции. Чтобы осуществить этот проект, консульство сделало ставку на сближение между НКТ и главным профсоюзом ОСПК — Всеобщим союзом трудящихся (ВСТ), которые должны были создать единый рабочий фронт. Кроме того, оно поощряло руководящие органы НКТ на местном и региональном уровне, надеясь, что они проявят лояльность к Женералитату, а также пыталось обезвредить наиболее экстремистские элементы НКТ и другого анархистского профсоюза — Федерации анархистов Иберии (ФАИ). Консульство без колебаний критиковало экстремистов из НКТ, не готовых отказаться от идеалов пролетарской революции, но особенно из ФАИ, которую считало главной проблемой в анархистском движении из-за ее идеологического радикализма³⁹.

Но, как бы то ни было, политические столкновения между консульством и анархистами случались относительно редко, их участниками были главным образом анархисты среднего звена или их молодежные организации, публично разоблачавшие политические репрессии в СССР. Наиболее известны два случая такого рода. Первый произошел во время прибытия в порт Барселоны советского грузового судна «Зырянин» в середине октября 1936 г., когда Антонова-Овсеенко публично спросили об арестах анархистов в СССР, а второй имел место в начале

³⁶ Там же.

³⁷ См. Там же, л. 22–25; ф. 05, оп. 17, п. 131, д. 50, л. 8–11.

³⁸ *Solidaridad Obrera*, 9.X.1936, p. 1.

³⁹ АВП РФ, ф. 05, оп. 17, п. 131, д. 50, л. 1–3.

января 1937 г., когда в консульство было отправлено письмо с критикой московских процессов⁴⁰.

Все сказанное свидетельствует о том, что консульство следовало указаниям руководства НКИД. Правда, сюда не вписывается один эпизод, связанный с решительным вмешательством консульства в развитие политических событий в тылу. Речь идет о Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) – коммунистической антисталинской партии в Испании, все члены и руководство которой практически находились в Каталонии. Несмотря на то, что этот эпизод не отражен в документах, доступных в наши дни в государственных архивах Российской Федерации, было бы нелогичным считать, что в данном случае консульство действовало без соответствующих распоряжений руководства НКИД. Нет ни одного выговора консулу со стороны НКИД или Политбюро по этому поводу. Кроме того, не следует забывать о начале антитроцкистской кампании, развернутой Сталиным как в самом СССР, так и в рядах международного коммунистического движения, ввиду чего подобное отношение к ПОУМ было логичным. Эта партия считалась в Испании троцкистским врагом, а ее лидер А. Нин был убит там советскими разведслужбами⁴¹.

В то время когда в Барселоне было учреждено советское консульство, Нин являлся советником по юстиции в Женералитате. ПОУМ жестко критиковало советских лидеров, обвиняя их в предательстве идеалов Октябрьской революции. Поэтому создание в Барселоне консульства СССР не вызвало воодушевления среди членов ПОУМ. Поначалу консульство игнорировало существование этой партии. Так было до начала ноября 1936 г. Антонов-Овсеенко, уже установивший первые контакты с Компанисом и руководством ОСПК, готовился к юбилейным мероприятиям по случаю 19-й годовщины Октябрьской революции, чтобы начать атаку против ПОУМ. Задача состояла в том, чтобы маргинализировать партию, а впоследствии удалить ее с политической сцены Каталонии. Консул располагал поддержкой ОСПК, которая использовала противостояние с ПОУМ, стремясь выставить себя единственной партией, представлявшей СССР в Каталонии. Компанис же присоединился к борьбе с ПОУМ, так как хотел вытеснить из Женералитата политическую силу, исповедующую идеалы пролетарской революции, которых он абсолютно не разделял.

В первую очередь консульство организовало кампанию с целью отстранить ПОУМ от участия в юбилейных мероприятиях, посвященных Октябрьской революции. Этого достичь не удалось, но партию унизили: ее члены заняли последнее место в праздничном шествии, к тому же на порядочном расстоянии от других политических и профсоюзных организаций. После этого с помощью ОСПК были предприняты попытки форсировать правительственный кризис с тем, чтобы исключить ПОУМ из состава Женералитата. Эти действия сопровождались очень жесткой кампанией в прессе, для чего активно использовался печатный орган руководства ОСПК, газета «Trebball»⁴². Как и следовало ожидать, ответ ПОУМ на эти атаки тоже был жестким, она публично разоблачала подковерные игры консульства и его союзника – ОСПК⁴³. Последовавший выход из Женералитата представителей ПОУМ вызвал растущую маргинализацию партии на политической арене Каталонии. Ее поражение во время так называемых «майских событий» 1937 г. было не только военным, но и политическим. Оно означало окончательное исчезновение ПОУМ с политической сцены, что вместе с поражением НКТ интерпретировалось некоторыми историками как создание основы для образования первой страны – сателлита СССР в Европе⁴⁴, что явно напоминало идеи кардинала Гома и его миф «Кремль в Барселоне».

⁴⁰ О первом случае см. Там же, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 54, л. 37; о втором – Solidaridad Obrera, 30.I.1937, p. 3.

⁴¹ Volodarsky B. Op. cit., p. 249–256.

⁴² Treball, 26.XI.1936, p. 1.

⁴³ La Batalla, 27.XI.1936, p. 1.

⁴⁴ Шубин А. В. Столкновения в Барселоне в мае 1937 года и падение правительства широкой антифашистской коалиции. – Испанский альманах, вып. 2. История и современность, с. 185.

ТРЕТИЙ АРГУМЕНТ ПРОТИВ МИФА: ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Для консульства приоритетом была победа республики в войне. Вследствие этого отчет о военных действиях постоянно присутствовал практически во всех консульских донесениях. Консульство регулярно информировало руководство НКВД и Политбюро о положении на фронтах, о связанных с военными действиями решениях (как организационных, так и тактических) республиканских органов власти, политических партий и профсоюзов⁴⁵. В своих оценках консульство всегда выделяло два аспекта: неблагоприятное для республики развитие ситуации на фронте⁴⁶ и внутренние проблемы республики, которые ее объясняли. В этом смысле главная ответственность возлагалась на анархистов, ОСПК и правительство республики. Анархистов критиковали за защиту системы милиции и колонн, абсолютно неэффективной при захвате новых позиций, а в некоторых случаях и для удержания уже контролируемых⁴⁷. ОСПК в основном ставили в вину ее неспособность убедить анархистов и их последователей отказаться от тактики милиции и колонн в пользу профессиональной армии и принять единое и централизованное командование военными операциями⁴⁸. А правительство республики подвергали критике за его решения, которые негативно сказывались на эффективности использования военных ресурсов. Обвинения же лидеров республики в профессиональной и личной некомпетентности со стороны консульства были обычным делом.

Пример тому — жесткая критика Антоновым-Овсеенко председателя правительства республики и одновременно военного министра Франсиско Ларго Кабальеро за недостаточное боевое снаряжение отрядов анархистской милиции, которые отправлялись из Каталонии на арагонский фронт; за отказ значительно увеличить производство вооружений в Каталонии; за пораженческие настроения; за готовность оставить Мадрид, окруженный войсками мятежников; наконец, за отстранение президента республики Мануэля Асаньи от руководства военными действиями⁴⁹. Критике подвергся и другой видный республиканский деятель — министр морских и воздушных сил Индалесио Прието — за неэффективную организацию защиты порта Барселоны и за то, что он позволил военно-воздушным силам противника безнаказанно действовать на Майорке. В донесениях консульства также содержался намек на то, что Прието незаконно обогатился благодаря тайным сделкам в республиканской Кантабрии⁵⁰.

Информация подобного рода и оценки консульства никак не подразумевают того, что оно вмешивалось в дела советского военного состава как в Каталонии, так и в других частях республиканской зоны. Об этом свидетельствовал и корпусной комиссар О. О. Штейнбрюк, возглавлявший 1-й отдел Разведуправления РККА. 19 ноября 1936 г. он сообщал своему начальнику, военному советнику А. В. Мокроусову, что его отношения с Антоновым-Овсеенко были корректными и определялись границами, установленными в Москве. Другими словами, консул не вмешивался в дела советского военного руководства в республике и принимал все предложения, сформулированные Штейнбрюком⁵¹.

Однако консульство пыталось оказывать влияние на Женералитат, используя вопрос о поставках советских вооружений в республику. Речь идет о желании консульства повысить политический вес Женералитата в тылу и защите либерально-демократической модели. 2 декабря 1936 г. во время заседания Исполнительного совета

⁴⁵ Первое консульское донесение, в котором освещались военные вопросы, датируется 3 октября 1936 г. — АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 119, д. 62, л. 2–3. Последнее донесение с той же тематикой датировано 23 июня 1937 г. — Там же, оп. 17, п. 131, д. 50, л. 73–77.

⁴⁶ См., например: Там же, ф. 010, оп. 11, п. 71, д. 54, л. 98–100.

⁴⁷ Там же, л. 52.

⁴⁸ Там же, л. 87.

⁴⁹ Там же, л. 9, 30–31, 63.

⁵⁰ Там же, л. 2–3, 58–63.

⁵¹ Российский государственный военный архив, ф. 35082, оп. 1, д. 275.

Женералитата представитель консульства (возможно, военный атташе или агент советских разведслужб, выдававший себя за сотрудника консульства) потребовал, чтобы всем советским вооружением, прибывавшим в Барселону, распоряжался в военных целях исключительно Женералитат. В противном случае поставки вооружений из СССР были бы немедленно приостановлены. Женералитат согласился с этим требованием консульства⁵². Таким образом, советское диппредставительство в Барселоне никогда не планировало использовать советское оружие в тылу – ни против тех политических элементов, которые ему противостояли (например, ПОУМ), ни в качестве шантажа республиканских органов власти, в частности Женералитата, с тем, чтобы поставить их под свой контроль.

ЧЕТВЕРТЫЙ АРГУМЕНТ ПРОТИВ МИФА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Экономическая деятельность советского консульства в Барселоне началась 3 октября 1936 г. и развивалась в рамках, очерченных Крестинским. Антонов-Овсеенко встретился с советником по финансам Женералитата Таррадельясом, а затем – с советником по экономике Поркерасом⁵³. На встречах присутствовал торговый атташе советского посольства в Испании Винзер, приехавший из Мадрида с инструкциями установить торговые контакты с Женералитатом и лично руководить переговорами.

На первой встрече обсуждалась будущая схема импорта – экспорта между Женералитатом и СССР. Винзер и Таррадельяс договорились об импорте советского сырья и товаров в обмен на экспорт из Каталонии. Для осуществления торговли создавалась смешанная комиссия. С советской стороны в нее вошли представители торговой миссии в Мадриде и консульства в Барселоне, с каталонской стороны – представитель Женералитата. Привлечена была также советская нефтяная компания, имевшая представительство в Мадриде. Советская сторона настояла на том, чтобы все торговые соглашения между Каталонией и СССР рассматривались испанской правительственной комиссией, что гарантировало бы их легальность и финансовую осуществимость. После этого Винзер и Антонов-Овсеенко встретились с Поркерасом. Здесь же присутствовали Эренбург, Гарсиа Оливер и Миравильес. Участники встречи одобрили соглашение, подписанное Винзером и Таррадельясом, и направили его правительству республики, которое санкционировало соглашение. А уже 7 октября 1936 г. консул получил составленный каталонским советником по экономике первый список советских товаров, которые хотели ввозить в Каталонию: среди прочего в нем были уголь и сырье для металлургической промышленности⁵⁴.

Итак, консульство чрезвычайно быстро достигло первых положительных результатов в экономической сфере. В дальнейшем эта динамика сохранялась. В конце октября 1936 г. была установлена эффективная торговая сеть по линиям Барселона–Мадрид и Валенсия–Москва с тремя основными звеньями. Первым из них были созданные Женералитатом учреждения, которые осуществляли и укрепляли торговые отношения между Барселоной и Москвой: Бюро по торговым отношениям с СССР, занимавшееся всеми торговыми соглашениями Женералитата с советскими представителями⁵⁵, и Хунта внешней торговли, регулировавшая внешнюю торговлю Каталонии⁵⁶. Вторым звеном стали кредиты, одобренные Москвой, для финансирования торговых отношений между СССР и республикой. Кредиты предоставлялись по линии Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) и НКВД. Советское

⁵² Archivo Montserrat Tarradellas i Macià (далее – АМТМ), caja 19.3, carpeta GC-66, doc. 10.

⁵³ АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 119, д. 62, л. 2–3.

⁵⁴ Упомянутые встречи состоялись 5 и 8 октября: *Tarradellas J. Crònica de la guerra civil a Catalunya. V. I. Crònica diària de la Generalitat de Catalunya, primera part.* Barcelona, 2008, p. 267, 306.

⁵⁵ АМТМ, caja. 19.2, carpeta GC-39, doc. 3.

⁵⁶ Создание Хунты внешней торговли широко освещалось в каталонской прессе. См., например: *Diari de Barcelona*, 20.X.1936, p. 8.

посольство в Мадриде являлось первым пунктом приема денег в Испании и выступало посредником в отношениях с консульством в Барселоне. Антонов-Овсенко запрашивал в посольстве списки одобренных Москвой кредитов и передавал их республиканским властям Барселоны, чтобы те осуществляли торговые операции, исходя из имевшихся ресурсов⁵⁷. Наконец, третьим звеном были советские торговые атташе в республиканской зоне. Консульство просило направить специального торгового атташе для Барселоны ввиду широкого объема торговли между Барселоной и Москвой. Руководство НКИД удовлетворило ходатайство, и спустя несколько дней Мальков и Пожарский были официально представлены в качестве советских представителей, уполномоченных подписывать торговые соглашения между СССР и представителями Женералитета⁵⁸.

23 декабря 1936 г. было подписано первое торговое соглашение о покупке Барселонской советских товаров в большом количестве. Со стороны Женералитета подписи под ним поставили советник по снабжению Коморера и советник по экономике Абад де Сантильян, с советской — Мальков и А. Сташевский, с конца октября 1936 г. представитель НКВТ в Испании⁵⁹. Женералитат закупал у СССР 35 тыс. тонн различных товаров (пшеница, мука, сахар, уголь и т.д.). Сделка была легальной, и обе стороны ее одобрили⁶⁰.

Затем последовали и другие торговые операции между Женералитатом и НКВТ, в частности, продажа каталонских промышленных товаров. Их вывезли в СССР на грузовом корабле «Курск» в начале февраля 1937 г. В результате этой сделки Женералитат получил около 3 млн песет⁶¹. Второй крупной сделкой была покупка Женералитатом продовольствия в СССР. Товары прибыли в порт Барселоны 16 февраля 1937 г., среди них насчитывалось 2002 тонны фасоли, 1 тыс. тонн муки и 20 тыс. тонн сахара. Сумму этой сделки выяснить не удалось⁶².

* * *

Все перечисленные выше факты, вне всякого сомнения, позволяют развенчать историографический миф «Кремль в Барселоне».

Первым аргументом против мифа, созданного кардиналом Гома, является сама миссия, порученная консульству НКИД, никак не предполагавшая превратить Барселону во второй в мире Кремль. Конечно, на консульство была возложена и политическая миссия, но она состояла не в том, чтобы добиться политического контроля над Барселоной. Консульство должно было переориентировать каталонских анархистов на защиту либерально-демократической модели, сделать так, чтобы они вошли в Женералитат и уважали учреждения либерального республиканского государства; также консульству поручалось срочно обеспечить улучшение отношений между Женералитатом и центральным правительством республики. Данная миссия подразумевала определенную степень вмешательства в политическую жизнь Каталонии, но это вмешательство не предполагало большевизации Барселоны и уж тем более ее превращения в опорный пункт для последующей большевизации Западной Европы. Консульство служило лишь прикрытием для советских военных советников, прибывавших в Барселону и отправлявшихся на главные театры военных действий республики, к которым сама Барселона не относилась. Поэтому утверждение Гома о том, что советские солдаты наводнили Барселону, было ложным, ведь вооружение, поставлявшееся в Барселону, предназначалось для фронта, а единственными советскими военными в столице Каталонии были военные совет-

⁵⁷ См. АВП РФ, ф. 097, оп. 12, п. 2, д. 1, л. 112.

⁵⁸ См.: La Humanitat, 6.XI.1936, p. 4; Treball, 11.XI.1936, p. 3.

⁵⁹ О конфликтах между Сташевским и Антоновым-Овсенко см. РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 263, л. 3—4.

⁶⁰ Treball, 11.XI.1936, p. 3.

⁶¹ АМТМ, caja 19.2, carpeta GC-38, doc. 24, p. 9.

⁶² Solidaridad Obrera, 17.II.1937, p. 3.

ники, но никак не войска. Наличие экономической деятельности консульства также противоречило тезисам Гома, считавшего миссию консульства исключительно политической. Она развивалась вполне законно и легально, на основе торговых соглашений, добровольно заключенных между Советским Союзом и Испанской республикой, и в них включилась Каталония. В данном случае консульство играло роль лишь посредника между властями Женералитата и советскими торговыми атташе в Испании.

Второй аргумент против мифа «Кремль в Барселоне» — сама политическая деятельность консульства. Консулу удалось установить контакты с видными каталонскими политиками не только потому, что он этого хотел, но и потому, что они сами стремились к подобным контактам, понимая, что консульство является дипломатическим представительством единственного государства, вставшего на сторону Испанской республики. Этот факт свидетельствует против макиавеллевского образа консула, якобы тайно сблизившегося с каталонскими лидерами, чтобы подчинить своему политическому контролю Женералитат. Напротив, консульство, поддерживая Женералитат и ОСПК, ставило цель упрочить авторитет Женералитата, а вместе с ним — либерально-демократическую модель в Каталонии. Ему удалось сблизиться также с анархистским движением и, используя общую политическую динамику, наметившуюся в Каталонии с сентября 1936 г., и процесс восстановления государственных институтов в тылу, содействовать сближению НКТ и ВСТ, а также вхождению анархистов в Женералитат. Вмешательство в каталонские внутренние дела (зачастую вопреки распоряжениям НКВД) тоже имело место. Но оно происходило вследствие факторов внешних, не связанных с развитием гражданской войны в Испании, как это было в случае с началом преследования троцкистов в СССР и за его границами. Однако и здесь речь шла не о подчинении Барселоны политическому контролю Москвы, а только об атаке на ту политическую силу, которая считалась внутренним врагом международного коммунистического движения.

Консульство заботилось о том, чтобы советское вооружение, прибывавшее в Барселону, отправлялось на фронт, а не оставалось в тылу. Побочным, но не главным результатом поставок вооружений стало усиление авторитета и реальной власти Женералитата, а не защитников проекта пролетарской революции. Советское военное присутствие не стоит идеализировать. СССР хотел, чтобы республика выиграла войну, но это желание не было альтруистическим: Советский Союз стремился не допустить установления еще одного фашистского государства в Европе, которое могло бы в скором времени напасть на него.

Учитывая, что советское консульство не подчинило Барселону своему политическому контролю и коммунистической модели, можно смело отвергнуть и финальную часть мифа — утверждение о том, что каталонская столица использовалась как плацдарм для последующего превращения стран Западной Европы в коммунистические государства, подчиненные воле Москвы. Однако Гом, сам того не осознавая, отчасти предсказал будущее Европы, серьезно ошибившись лишь в координатах пространства и времени, но не в логике событий. Часть Европы действительно попадет под политический контроль СССР, но это будет не Испания и не Западная Европа, а Европа Восточная и Центральная. И случится это не в годы гражданской войны в Испании, а после победы Советского Союза над фашизмом во Второй мировой войне.